Стив обессиленно опустил руки на свои колени. Они враз расслабились, упали, как плети, — а Баки своей ладонью проехался по шершавой ткани вверх, где в вырезе рубахи белела яремная впадинка. Он обнял горло Стива ладонью, мягкая и тёплая кожа словно сама просила, чтобы её сжали посильнее. Но Баки не собирался делать больно. Он насмотреться не мог — как блестели глаза Стива в темноте, как часто он дышал. Придвинувшись ещё ближе, он погладил пальцем мягкие губы, оттянул нижнюю, обнажая влажную изнанку. Стив одеревенел, как заслышавший треск ветки молодой олень. Не зная, зачем, но не в силах противиться поднявшемуся внутри желанию, Баки толкнул палец внутрь рта — и друид, моргнув, впустил его. И тут же дёрнулся, отворачиваясь.

Баки рыкнул и схватил Стива за шею сзади, прижимая его голову к своему плечу, жарко зашептал:

— Это не из-за меня больно. Это не пчёлы тебя жалят внутри, не огонь жжёт и не когти дерут. Ты сам себя мучаешь. Не хочешь наружу выпускать, держишь в себе. Боишься.

Стив попытался вырваться, но Баки не отпускал, стащив его с пня и почти уложив на себя, заставляя прижиматься, чтобы не задохнуться в крепком объятии.

— Ты жил в своём лесу, и никогда не знал другого человека, как сейчас хочешь познать меня. Ты понять не можешь, что с этим желанием делать, а я тебе скажу — пока не познаешь меня, не успокоится то, что гложет тебя изнутри. Пока каждое своё темное, жгучее, острое не выпустишь наружу, не натравишь на меня, как собак натравливают на дичь — не успокоишься. Это называется желать. И я так же тебя желаю. Просто я лучше знаю, что делать, чтобы утолить жажду. А ты не знаешь. Так не убегай. И я всё тебе расскажу. Покажу всё. Ты будешь дух свой лелеять, дар друидский, со всеми своими страшными тайнами, а я — твоё тело. И когда ты дух и тело вместе соединишь, примешь, как единую правду — тогда только насытишь этот голод, напоишь эту жажду.

Стив обмяк в его руках. Шумно сопел в стык плеча и шеи, сердце так и колотилось, отдаваясь в груди Баки. Сейчас мучительно, до дрожи не хватало второй руки. Культя беспомощно дёргалась, пытаясь обнять, удержать, погладить по твёрдым позвонкам на худой спине — но всё без толку. Баки горько вздохнул и добавил:

— Это не я тебя извожу. Ты себя изводишь. Я же свою суть взнуздал и держу крепко, знаю, как излить, когда переполняет. И я буду ждать, сколько надо, чтобы ты сам понял это и пришёл ко мне. Чтобы отпустил себя. В этом поклясться могу, хоть на огне, хоть на крови.

Он отпустил Стива, усаживая его, понурившего голову, обратно на деревянный пень. Тот согнулся и обхватил себя руками, дрожа. Баки нахмурился, снял с себя волчью безрукавку и накинул ему на плечи.

— Спать пойду, — сказал он. — Не сиди здесь долго. Нельзя тебе мёрзнуть.

Баки тяжело поднялся с колоды. Мороз зябко пробежался по коже спины, забрался под вырез

рубахи и в рукава. Баки поёжился и свистнул волчат. Те еще недолго шуршали по кустам в подлеске, а потом выбрались и со всех лап побежали к нему, под услужливо поднятую шкуру входа. Оба щенка задержались у колен Стива, едва слышно поскуливая, обнюхали и лизнули лицо. Тот не гнал, но и не реагировал на них. Баки начал заходить внутрь — Хьялги заскочил с ним, едва не заставив споткнуться. Но Хмага осталась на улице со Стивом, и Баки был даже рад этому.

Он уселся на свою лежанку, подкинул ещё несколько поленьев в очаг, подкатил к нему камень, чтобы нагревался — и сам улёгся, забираясь под шкуру. Хьялги, покрутившись, умостился в ногах — и, фыркнув, успокоился.

Баки мечтал, чтобы тоже так вот успокоиться, едва голова коснулась ложа. Его сердце, хоть и не трепыхалось, как у друида, билось взволнованно. Внутри медленно ворочалось тревожное ожидание, одна дума сменяла другую. Что теперь придумает друид? Снова загонит себя в угол, впадёт в спячку, или выпутается из собственных силков? Взлетит к небу? Баки мечтал о нём таком, как мечтают после долгой голодной зимы о глотке свежего молодого мёда, о первом тёплом дожде, сладкой алой землянике, которая тает на языке; мечтал, как юнцы мечтают о первой битве и первой пролитой вражьей крови.

Баки мечтал о друиде, пришедшем к нему по своему желанию, как мальчишки мечтают о первой женщине, о мягкости её грудей и влажном лоне — и плоть его твёрдо стояла, налитая горячей кровью. Он мечтал, словно не мог взять то, что хочет, силой, заставить, подчинить своей воле. Потому что на самом деле не мог иначе. Теперь не мог.

http://erolate.com/book/3459/83643